СРЕДНЕВЕКОВАЯ НУМИЗМАТИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 7

Москва • 2018

УДК 737
ББК 63.2
С75

Редакционная коллегия:
Д. Грималаускайте
В.В. Зайцев (ответственный редактор)
Г.А. Титов

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е.В. Бирюкова*
кандидат исторических наук *А.В. Калашникова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
компании «Лазермедсервис» www.lmservis.ru

*На титульном листе помещено изображение анонимной денги
Великого княжества Московского, отчеканенной в 20-х – начале 30-х гг. XV в.*

С75 **Средневековая нумизматика Восточной Европы.**
Вып. 7. М.: РИА Внешторгиздат, 2018. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-.....

В сборник вошли научные статьи, посвященные изучению различных аспектов монетного дела и денежного обращения в период Средневековья. В ряде статей дается описание монетных кладов X – начала XVI в., ставших известными нумизматам в последние годы, а также находок серебряных платежных слитков, участвовавших в денежном обращении на территории Восточной Европы в XIII–XV вв. Несколько включенных в сборник работ посвящено изучению различного рода «подражательных» денежных эмиссий X–XV вв.

Книга предназначена для историков, специалистов-нумизматов, археологов, музейных работников, коллекционеров и широкого круга читателей, интересующихся историей.

ISBN 978-5-....

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство....., 2018

Предисловие

В предлагаемый читателям сборник научных трудов вошли статьи, посвященные изучению различных вопросов монетного дела и денежного обращения периода Средневековья. Особое внимание при этом было уделено публикации новых нумизматических находок, и прежде всего монетных кладов. Описанию кладов, датирующихся в рамках X — начала XVI в., или же отдельных групп монет, происходящих из кладовых комплексов, посвящено более половины статей сборника. Отметим лишь некоторые из них, упомянув также и о работах аналитического характера, отличающихся новизной рассматриваемых проблем.

Так, открывает сборник работа, написанная коллективом авторов, в которой публикуется клад куфических дирхемов и подражаний X в., обнаруженный в 1966 г. при проведении раскопок Малого Боршевского городища в Воронежской области. Длительное время полноценное издание этого интереснейшего кладового комплекса было затруднено преобладанием в его составе подражаний куфическим дирхемам, по которым не было ни методики составления описаний, ни заключений об эмитентах большинства их разновидностей. Прежде, в отсутствие этих сведений, оговаривались лишь прототипы этих монет. Накопление «базы данных» и успехи, достигнутые исследователями в последние годы в области изучения восточноевропейских подражаний, сделали возможным штемпельный анализ и выявление технологических особенностей производства, а следовательно, их обоснованную атрибуцию. Сопоставление подражаний и метрологии монет Боршевского клада с данными некоторых других кладов из восточнославянских земель с обрезанными в круг куфическими дирхемами позволило авторам сделать предварительные выводы о периодизации монетного дела и денежного обращения у восточных славян.

Тема чеканки «славянских» подражаний арабским дирхемам затрагивается и в статье С.А. Гоглова, посвященной рассмотрению фальшивых куфических монет X века, происходящих из восточноевропейских находок, и прежде всего их медных луженых имитаций. Рассматриваемые монеты выполняли две функции: собственно фальшивых монет и дешевого заменителя престижных украшений (привесок из серебряных дирхемов). Выявленные штемпельные тождества и технологические особенности, по мнению автора, свидетельствуют об изготовлении большинства медных луженых подражаний теми же мастерами, которые чеканили и обычные серебряные подражания, предназначавшиеся для участия в денежном обращении. Топография находок фальшивых монет совпадает с ареалом обращения серебряных под-

ражаний, что можно рассматривать в качестве еще одного подтверждения существования в X в. развитой монетной чеканки у восточных славян.

Изучению необычных платежных средств домонгольского времени посвящен и ряд других работ сборника. Так, в статье Н.Е. Дуткинского и И.А. Колосова проводится критический анализ всех публикаций, посвященных таманским подражаниям византийскому милиарисию императоров Василия II и Константина VIII (976–1025). Определяются критерии и принципы разрабатываемой авторами новой систематизации подражательных монет. Предлагается авторское решение вопросов о датировке и периодизации этой своеобразной эмиссии.

Статья Д.В. Гулецкого содержит сводку сообщений письменных источников, иллюстрирующих обращение в средневековой Руси мехов пушных зверей в качестве денег. Вслед за рядом ученых, исследователь настаивает на том, что, по крайней мере, часть массово находимых русских свинцовых пломб XI–XV вв. использовалась для скрепления меховых денег. В научный оборот вводятся 182 свинцовые пломбы, происходящие с территории Российской Федерации. Они подразделяются автором на восемь групп, каждой из которых дана краткая характеристика. Предлагается скорректированная таблица княжеских знаков первых потомков Юрия Долгорукого — ранних представителей династии суздальских Рюриковичей (1140–1170-е гг.).

Уникальный по составу для региона обнаружения клад описывают Л. Дергачева и А. Джесмеджиян. Этот клад, найденный на территории Унгенского района Республики Молдова, помимо незначительного количества молдавских грошей, включал в себя монеты Венеции, Сербии, Болгарии, Валахии, Венгрии, генуэзской колонии Ликостомо. Авторы предполагают, что образование клада и невостребованность спрятанных монет объясняются военными действиями, развернутыми в конце XIV в. Османской империей с целью расширения своего политического влияния в нижнем Подунавье.

Небольшие клады, публикуемые в статье В.Г. Шапошника, Ю.В. Зайончковского и О.В. Овсянникова, а также в статье В.В. Павлюкова, включали в себя джучидские данги и серебряные двусторонние подражания этим монетам. Анализ состава описываемых комплексов послужил для авторов поводом к рассмотрению более широких вопросов, касающихся атрибуции и датировки различных групп русских подражаний золотоордынским монетам, чеканенных в Северских землях и в Поокском регионе в конце XIV — начале XV в.

Еще более мелкий по своим размерам монетный комплекс, предположительно, представляющий собой содержимое утерянного кошелька, опубликован в статье И.К. Пагавы и Р.В. Спандерашвили. Небольшие серебряные монеты, входившие в его состав, ранее нумизматам известны не были. На основе анализа монетных легенд авторы убедительно доказывают принадлежность этих монет к средневековой грузинской чеканке, высказывают ряд предположений, касающихся их возможной атрибуции и датировки.

Исследователей, занимающихся джучидской нумизматикой, несомненно, заинтересует статья Ю.В. Зайончковского и О.В. Овсянникова, в которой методом поштемпельного анализа исследуется группа редких и малоизученных дангов Золотой Орды, отчеканенных в конце 1360-х гг.

Изучение этих монет, обнаруженных в Молдавии в 2017 году, предположительно, в составе единого комплекса, позволило уточнить начертанное на них название денежного двора, предложив его прочтение как «Килия ал-Махруса». Из письменных источников известно, что в Килии в середине XIV в. существовала довольно развитая генуэзская колония, а следовательно, как показывают авторы, там имелись социальные и материально-технические условия, необходимые для выпуска ордынской монеты. В работе также приводится информация о 10 монетах, несущих на себе не отмеченную ранее в научных публикациях надчеканку в виде знака, напоминающего букву Т. Причем надчеканки этого типа имелись и на трех килийских дангах 770 г. х. Данное обстоятельство позволило авторам высказать предположение, что контрамаркирование монет надчеканкой «Т» (которая могла быть либо латинской литерой, либо тамгой) осуществлялось на монетном дворе Килии после прекращения чеканки там дангов.

Еще две публикуемые работы посвящены изучению серебряных платежных слитков, бытовавших в русских землях и на сопредельных территориях в XII — первой половине XV в. Так, в статье И.Н. Шталенкова рассматриваются данные, связанные с так называемыми «трехгранными» литовскими гривнами, проводится их сравнительный анализ с другими региональными разновидностями платежных слитков. А В.В. Зайцев продолжает публикацию сведений о новых находках гривен и полтин с русскими клеймами XIV–XV вв., начатую в предыдущем, 6-м выпуске сборника СНВЕ.

Особо хочется отметить завершающую сборник статью М.М. Фроловой, посвященную рассмотрению жизненного и творческого пути известного историка и общественного деятеля первой половины — середины XIX в. Александра Дмитриевича Черткова, справедливо считающегося основоположником русской научной нумизматики. В работе, основанной, прежде всего, на архивных данных, прослеживается также влияние нумизматических трудов А.Д. Черткова на возрастание в стране интереса к собиранию и изучению отечественных древностей и в первую очередь русских средневековых монет, приобретших с этого времени статус полноценного исторического источника.

В.В. Зайцев

ДРЕВНЕРУССКИЕ СВИНЦОВЫЕ ПЛОМБЫ КАК НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Д.В. Гулецкий

С древнейших времен самым выгодным и ценным экспортным товаром, вывозившимся из Руси в другие страны, была пушнина. Наличие ее ценных пород в лесах Восточной Европы стало с рубежа VIII–IX вв. одним из определяющих факторов приобщения восточных славян к международной транзитной торговле. Меха еще с домонгольской эпохи являлись важнейшей статьей древнерусского экспорта.

Такими словами начинается глава о роли пушнины в древнерусском товарообмене из книги В.Б. Перхавко «Торговый мир средневековой Руси» (*Перхавко В.Б.,* 2006. С. 186). Автор подробно рассматривает свидетельства как внутренних, так и внешних письменных источников, со всей определенностью подчеркивающих значение меховой торговли в домонгольский, киевский период русской истории. Им приводятся многочисленные примеры использования русских мехов на Востоке, в Византии, Северной и Западной Европе.

О пушной торговле русов писали многие восточные авторы, начиная с IX столетия — ибн Хордадбех, ал-Факих, ибн Русте, ал-Масуди, Гардизи из Хорасана, ибн ал-Асир. По словам авторитетного персидского географа ибн Русте, автора «Книги драгоценных сокровищ» (930-е гг.), «*единственное их* (русов. — *Д.Г.*) *занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям*» (*Перхавко В.Б.,* 2006. С. 187). Багдадский географ X в. ибн Хаукаль сообщает о северных товарах, интересовавших мусульманский мир от Андалусии до Хорезма: «*Вывозимые из страны хазар в исламские страны мед, свечи и пушные товары ими* (хазарами. — *Д.Г.*) *ввозятся только из местности Руси и Булгар… Бобры водятся только в их северных реках… Большая часть этих мехов, да почти все, добыты в стране русов, некоторые же из этих мехов, наивысшего качества, попадают из местности Гога и Магога на Русь… затем русы перепродают эти меха булгарам*». По Ахмеду ибн Фадлану, шкурами соболей русы платили дань хазарам (*Ковалевский А.П.,* 1956. С. 140).

Не меньшим спросом пользовались русские меха и на Западе, но там основным посредником в торговле выступали уже скандинавы, которые, как и восточные посредники — булгары, также имели свой пушной промысел (*Лебедев Г.С.*, 2005. С. 222–223). Западные авторы оставили записки об обычаях Руси в более позднее время. Немецкий поэт Гартман (нем. *Hartmann)* в начале 1200-х гг. восхищался великолепными русскими мехами. По его словам, их можно было встретить и в Польше, через которую они транзитом поступали в Германию. Гийом де Рубрук, посол Людовика IX в ставку монгольского каана, вскоре после монгольского нашествия на Русь, в 1250-е гг. встречал в Судаке русских купцов, везущих «горностаев, белок и дру-

гие ценные меха» (*Перхавко В.Б.,* 2006. С. 187, 189). Русское название соболя сохранились и сегодня в европейских языках (нем. *das Zobel*, англ. *Sable*, фр. *la Zibeline*).

Примеры значения русской меховой торговли, особенно в последние столетия Средних веков, можно множить, но нас более всего интересуют примеры внетоварного использования шкур. Оказывается, что наиболее ранние свидетельства о хождении пушнины в качестве денег известны в отношении к соседям Руси — волжским булгарам, обычаи которых описывал в 930-е гг. саманидский географ ибн Русте: «*Главное богатство их составляет куний мех. Чеканенной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум дирхемам с половиною. Белые круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары*» (*Хвольсон Д.А.*, 1869. С. 24–25; *Перхавко В.Б.,* 2006. С. 191). Сегодня нам известно, что монетный чекан булгар начался не позднее второго десятилетия X в. (*Гоглов С.А., Големихов А.В.*, 2017. С. 53). Следовательно, арабским автором были использованы несколько устаревшие сведения о денежном обращении страны, слышанные им, вероятно, от путешественников, побывавших в Булгарии в начале столетия. Ибн Русте приводит ценнейшие детали — во-первых, булгары торговали на мех куницы, во-вторых, известен курс одной шкурки по отношению с саманидскому дирхему начала X в.

Наиболее раннее свидетельство денежного обращения мехов также и у славян содержится в отчете Ахмеда ибн Фадлана, посетившего Волжскую Булгарию в 921–922 гг. в качестве секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира. В Булгарии Ахмед видел прибывших туда для торговли русов и оставил ценное описание их обычаев. Воспользуемся наиболее известным переводом труда ибн Фадлана, чтобы процитировать интересующее нас место: «*Дирхемы русов — серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы; соболи. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится монетой. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки*» (*Ковалевский А.П.,* 1956. С. 141–142).

Этот небольшой отрывок, посвященный финансовым традициям русов начала X в., насыщен важными для нашего исследования деталями. Сравнивая показания двух восточных авторов, писавших практически одновременно, видно, что если булгары торговали, прежде всего, на мех куницы, то русские использовали с той же целью бракованные шкуры серой белки, а также целые (?) — соболей. Уже в такое раннее время в качестве «денежных» выделяются эти два вида меха. В перечислении Ахмедом возможных браков беличьей шкурки («без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы») следует видеть, пожалуй, непременную необходимость присутствия лишь одного из них, а не всех, что, как мы увидим, будет подтверждено в дальнейшем другим, независимым автором. На такую трактовку указывает и следующее за перечислением предложение («Если чего-либо недостате, то от этого шкурка становится монетой»). Затем, если ибн Фадлан говорит лишь о том, что шкурки нельзя вывезти, то более поздние авторы (Низами, Абу Хамид) вторят ему, подчеркивая при этом не столько запрет, сколько бессмысленность данного действия.

Далее Ахмед приводит интересные сведения о способах торговли русов. Археологически подтверждено, что уже в X столетии «бруски» драгоценного металла использовались на Руси в торговых операциях, но они не были тогда «стандартными» (то есть строго установленного веса. — *Бауер Н.П.*, 2014. С. 245–251). Да и как можно оценить их «стандартность» без весов? Посредством мерной чашки? Использование последней подразумевает отсчет объема, а не веса, и едва ли в нее могли быть насыпаны «бруски» — скорее, мелкая фракция — так часто встречаемые в русских кладах обломки и обрезки куфического серебра. Вероятно, проверки требует перевод словосочетания «стандартные бруски». Рычажные весы и сферические гирьки получают на Руси широкое распространение со второй половины X в. (*Янин В.Л.*, 2009. С. 159, 197, 216; *Назаренко А.В.*, 2001. С. 130, 160), что согласуется со сведениями ибн Фадлана. Более поздние арабские компиляторы (Наджиб Хамадани, XII в., Амин Рази, XVI в.) практически в точности воспроизводили слова аббасидского чиновника, не актуализируя их.

Основными, наиболее распространенными мехами, напрямую участвовавшими в денежном обращении Руси в следующем, XI в., были шкуры белки и куницы. Они в форме «векши» и «куны» были включены в древнерусскую денежно-весовую систему, впервые письменно зафиксированную «Русской Правдой» (*Гулецкий Д.В.,* 2017-2. С. 45). Известно, что для добычи на экспорт ценных пород пушнины (шкур горностая, соболя) русскими в XI–XV вв. предпринимались значительные усилия в колонизации территорий, заселенных северными народами (*Перхавко В. Б.,* 2006. С. 196–211). На белку и куницу же охотились, вероятно, прямо на месте, в среднерусской полосе (*Перхавко В. Б.,* 2006. С. 196), хотя специальных исследований в этом направлении, насколько нам известно, не предпринималось.

Классические источники, свидетельствующие о расцвете денежной функции пушнины, относятся к XII в. Их показания цитировались исследователями неоднократно. Граффити, содержащие курс пересчета между двумя видами гривен, были обнаружены на стенах южной внешней галереи киевского Софийского собора. Это запись о покупке княгиней «Всеволожей» земли Бояна за семьдесят соболиных гривен, соответствующих семистам гривен «драниц». Граффити не имеют надежной датировки, но соотносятся С.А. Высоцким с женой Всеволода Ольговича Марией Мстиславной, умершей в 1179 г. (*Высоцкий С.А.*, 1966. С. 70). Привлекая данные палеографии и отождествив некоторых из «послухов» – свидетелей сделки, с церковными деятелями середины XII в., автор датирует запись этим временем.

Значение слова «драница» после осмысления свидетельства Абу Хамида, о котором будет сказано ниже, уже не представляло загадки для А.В. Назаренко, отождествившего его с вытертой, бракованной беличьей шкуркой (*Назаренко А.В.*, 1996. С. 70). Испорченные меха выступают здесь в качестве своеобразного «всеобщего эквивалента» для пояснения курса гривны соболей. Сам термин «гривна» в рассматриваемой записи, несомненно, счетный, и означает определенное штучное количество физически переданных продавцу товаро-денег — шкур соболя. Это количество выражается в гривнах драниц как в абстрактной денежной единице, ценность которой известна более широко, нежели гривна соболей, иначе автору записи

не потребовалось бы дополнительных пояснений. Словом, гривна (некоторое число) соболиных шкур оценивалась в Киеве середины XII в. в десять гривен (такое же число) вытертых беличьих шкур.

Важнейшее, хоть, как мы видели, далеко не единственное, свидетельство обращения на Руси шкурок пушных зверей в качестве денег, оставил для нас арабский путешественник Абу Хамид из андалусской Гренады. Труд Абу Хамида «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» долгое время считался утраченным. В начале 1950-х он был найден в Мадриде и опубликован на испанском языке в 1953 г. В конце того же десятилетия сведения Абу Хамида стали достоянием уже советской исторической литературы (*Монгайт А.Л.*, 1959), а еще спустя десять с лишним лет «Ясное изложение…» дождалось полного издания на русском языке (Путешествие Абу Хамида, 1971).

Абу Хамид лично побывал в Киеве. В 1150 г. он выехал туда, двигаясь из Булгара. Судя по всему, его путь пролегал по Оке и Десне (Путешествие Абу Хамида, 1971. С. 10, 109). Это был один из главных маршрутов русской торговли в предыдущие столетия, по которому в IX–X вв. в столицу Руси поступало арабское серебро (*Янин В.Л.*, 2009. Рис. 17, 24). Не потерял он своего значения и в XII в. Арабский путешественник оставил довольно обширное описание интересующего нас явления, бывшего для него диковинным. Процитируем его полностью, опираясь на публикацию О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта (Путешествие Абу Хамида, 1971. С. 35, 36): «*Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету серебряный дирхем, связывают в связку и называют ее "джукн". И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.*

На них покупают любые товары: невольниц и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за хаббу [мельчайшая арабская мера веса драгоценных металлов, равная массе ячменного зернышка. — Путешествие Абу Хамида, 1971. С. 74], *и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они испортятся в их домах, то их, рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают*».

По мнению публикаторов «Ясного изложения…», «сведения ал-Гарнати — сведения очевидца, весь рассказ настолько непосредствен, что нет никаких оснований подозревать его не только в измышлениях, но и в том, что он заимствовал их у недостоверных осведомителей... во всем, что касается повседневности, ал-Гарнати скрупулезно точен» (Путешествие Абу Хамида, 1971. С. 14).

Таким образом, денежная функция в Древней Руси самих мехов сомнений не вызывала, но важным моментом стало отождествление кусочка черного свинца Абу Хамида с массово находимыми свинцовыми пломбами Древней Руси и, тем самым, признание пломб (по крайней мере, некоторой их части) **нумизматическим источником**. Гипотеза, обоснованная советским археологом Александром Львовичем Монгайтом, впоследствии была косвенно поддержана В.Л. Яниным (*Янин В.Л.*, 1970. С. 11), а А.В. Назаренко назвал ее «прочным достоянием историографии» (*Назаренко А.В.*, 1996. С. 65). В последние годы тезис об обращении в Древней Руси «меховых ассигнаций», скрепленных свинцовыми пломбами, стал практически общим местом в работах видных российских ученых (*Перхавко В.Б.,* 2006. С. 186, 191; *Гиппиус А.А.*, 2017; *Стефанович П.С.*, 2017).

Как минимум, в отдельных частях Руси денежное обращение опломбированных шкур пережило монгольское нашествие. Образованные европейцы XIII в., побывавшие на востоке либо читавшие записки очевидцев, были удивлены существованием неметаллических денег на Руси и в Китае. Оба вида эрзац-ценностей были для европейцев в одинаковой степени поразительными. В европейской мысли, современной монгольскому нашествию, русские меховые деньги воспринимались в единой связи с хлопковыми банкнотами династии Юань. Гийом де Рубрук, наблюдая за русскими купцами в Крыму, где в 1253 г. пролегал его путь ко двору Мунке в Каракорум, писал, что «ходячей монетой у русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок». Десятилетием позже информацию Рубрука включил в свое «Великое сочинение» Роджер Бэкон: «*А обычный денежный знак этих катайев – бумажка из хлопка, на которой отпечатаны какие-то строки. И неудивительно, ибо русцены, которые живут рядом с ними, имеют в качестве денежного знака шкурки пушных зверей*» (*Перхавко В.Б.,* 2006. С. 193).

Еще в начале XV в., незадолго до начала чеканки серебряной монеты в Великом Новгороде (в 1413 г.) французский дипломат Жильбер де Ланноа писал об обращении там серебряных слитков, а в качестве разменной монеты — «мордок белок и куниц». Обычай использования меховых ценностей был еще памятен в следующем столетии, когда о нем упоминали С. Герберштейн и А. Гваньини.

Древнерусские свинцовые пломбы, скрывающие в себе разгадки многих тайн, как экономики, так и геральдики домонгольской Руси, до недавнего времени были обделены вниманием не только исследователей-нумизматов, но и сфрагистов. С дисциплиной, изучающей печати, пломбы связывает общность эмитентов, материала, техники изготовления. Опубликованы изделия мастеров, изготавливавших как пломбы, так и печати для одного правителя, а также пломбы и печати, оттиснутые одними и теми же матрицами (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2017. Рис. 2, 4).

В.Л. Янин, работавший над сводом актовых печатей Древней Руси, отказался от рассмотрения пломб ввиду «сложности их характеристики» (*Янин В.Л.*, 1970. С. 11). Трудности классификации обусловлены, прежде всего, отсутствием должной фиксации находок (с топографической привязкой, фотографией каждого экземпляра, указанием его размера и веса). Объектами «малой сфрагистики» серьезные исследователи пренебрегали.

В качестве примера можно привести недавнее сообщение О.М. Олейникова. При археологических раскопках в культурном слое, датируемом XI — началом XII в., в черте города Смоленска на небольшой площади было обнаружено большое количество (312 шт.) пломб, но, что более важно — еще больше (422 шт.) заготовок для их изготовления (*Олейников О.М.*, 2014. С. 10). В руках исследователя оказался бесценный материал, который, к сожалению, пока опубликован поверхностно. Заготовки различного качества были по внешним признакам приписаны к одному и тому же типу пломб (см., например, *Олейников О.М.*, 2014. Рис. 9, *9*, рис. 10, *14*, рис. 11, *10*, рис. 12, *13*). Чрезвычайно близкие, вероятно, оттиснутые одними и теми же парами матриц, пломбы с ликом св. Петра, оказались разделенными на экземпляры высокой и низкой значимости в зависимости от формы заготовки и удачности оттиска. Итогом публикации стали ничем не подкрепленные предположения, что пломбами… «запечатывали письма» и их атрибутика относится «не к самим князьям, а чиновникам их аппарата» (*Олейников О.М.*, 2014. С. 11).

Вопиющая неполнота топографических сводок делает пока невозможной даже классификацию пломб по их назначению. Допуская использование булл разного типа в Древней Руси и для прочих, помимо актовых и финансовых, целей, мы не встретили в литературе тщательно обоснованных гипотез, объясняющих, как именно пломбы могли функционировать в других областях жизнедеятельности. Надежных критериев для разделения пломб на денежные и какие-то другие пока нет.

В связи с этим особую остроту приобретает вопрос фиксации пломб, обнаруживаемых в различных районах Древней Руси как археологами, так и в результате частных находок. Только сравнение большого количества паспортизированных экземпляров с применением метода поштемпельного анализа и метрологических изысканий позволит создать надежную классификацию древнерусских свинцовых пломб. Важность введения в научный оборот малоизвестных изображений тамг Рюриковичей, широко представленных на памятниках «малой сфрагистики», подчеркивал А.А. Молчанов (*Молчанов А.А.*, 2008. С. 260, 262).

Настоящая работа посвящена, прежде всего, публикации 182 свинцовых пломб, происходящих с территории Российской Федерации. Данные о местах находок, сообщенные нам краеведами, носят неполный характер. Часто это лишь административный район или даже область. Но даже такая информация несоизмеримо лучше, чем ее полное отсутствие. Публикуемые нами сведения дают первичный материал для сравнения с находками аналогичных изделий в Республике Беларусь (*Гулецкий Д.В.*, 2016; *Гулецкий Д.В.*, 2017-1), Западной Украине (*Боркевич Г.С., Ярошевский Н.А.*, 2017), Брянской области РФ (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2017; *Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018).

Разнородность публикуемого материала вынуждает нас прибегнуть, прежде всего, к разделению его на группы. Вначале, однако, упомянем о десяти довольно крупных экземплярах, часть из которых несет изображения княжеских знаков, а другие — архангела и св. Кирилла Александрийского. Представляется, что эти сфрагистические памятники имели иное назначение, нежели большинство описываемых в настоящей статье пломб.

Остальные же пломбы мы разбили на следующие группы по типам помещенных на них изображений:

1. Пломбы с И(N)-образным княжеским знаком и буквой Λ, которые мы отнесли к черниговским выпускам Святослава-Николая Ярославича (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018), и ассоциированная с ними массивная пломба со знаком его сына, Олега-Михаила. Вторая сторона последнего экземпляра видна недостаточно хорошо. Возможно, на ней помещен все тот же И-образный княжеский знак Святослава-Николая Ярославича.

2. Пломбы с патрональными изображениями святых и крестом. Наиболее широко в пределах этой группы представлена подгруппа пломб с погрудным изображением св. Федора в образе мученика, относимая ко второй половине XI в. и предположительно атрибутируемая Всеславу Брячиславичу Полоцкому. Не исключено, что некоторые экземпляры этого типа являются подражаниями. Остальные пломбы группы «Святой / Крест» представлены многочисленными иконографическими типами. С этой же группой ассоциирован и тип с изображениями св. апостола Петра и буквы Ж, принадлежащий старшему из ветви наследников Изяслава Ярославича, его сыну Ярополку-Петру. И.А. Жуков в общих чертах датировал время бытования этой группы с 70-х гг. XI в. до 20-х гг. XII в., оговорившись также, что в Полоцке «этот тип пломб мог появиться гораздо раньше» (*Жуков И.А.*, 2016).

3. Пломбы с патрональными изображениями святых и княжескими знаками (фототабл. 1, № 1–36), представленные значительным количеством неатрибутированных до настоящего времени типов. Львиную долю в этой группе составляют пломбы с княжескими знаками прямолинейных очертаний с отогнутыми наружу зубцами (фототабл. 1, № 17–26), совершенно не характерные для украинских и белорусских находок. Эта группа тамг принадлежит князьям северо-восточной Руси — Юрию Владимировичу Долгорукому и его наследникам (*Михеев С.М.*, 2017. С. 21–25). И.А. Жуков предложил следующую принципиальную датировку этой группы пломб: «Время бытования пломб шестого типа можно, предположительно, определить по аналогии с вислыми печатями (несущими на себе княжеские знаки): началом — третьей четвертью XII века» (*Жуков И.А.*, 2016). В ряде случаев характер знака, размещенного на реверсе пломбы, внушает сомнения в том, что он представляет собой тамгу. Эти экземпляры, несомненно, достаточно ранние (табл. 1, № 31–32). Они размещены в настоящей группе ассоциированно. Четыре пломбы с изображением святого (весьма грубым) и буквой Д (табл. 1, № 33–36), дополняющие немногочисленные подобные типы (см. *Жуков И.А.*, 2016. Рис. 23–25), причислены к настоящей группе благодаря приблизительной одновременности с ней. Соображения, касающиеся атрибуции и датировки пломб такого плана, высказаны нами в недавних статьях (*Гулецкий Д.В., Ярошевский Н.А.*, 2018; *Гулецкий Д.В., Дорошкевич Н.А.*, 2018).

4. Пломбы с изображениями двух святых, один из которых является тезоименным князю-эмитенту, а другой — его отцу. Типы этой группы, несмотря на их превалирующую информационность по сравнению едва ли не со всеми остальными группами, наиболее сложны в атрибуции. Это обусловлено, прежде всего, плохим качеством их выделки, а также редкостью

практически каждого отдельно взятого типа. По мнению И.А. Жукова, время бытования этой группы определяется по аналогии с вислыми печатями: с середины XII в. до 1240 г. (*Жуков И.А.*, 2016). Очевидно, эта группа имеет некоторое наложение по времени с предыдущей. Московский сфрагист называет другую причину сложности атрибуции пломб группы, которые, по его мнению, в большинстве своем «оттиснуты матрицами вислых печатей, отчего изображение на них переходит лишь частично». На наш взгляд, в этом заключается не сложность, а блестящая возможность для атрибуции пломб настоящей группы. При обнаружении экземпляров хорошей сохранности представится шанс для сравнения их с опубликованными и атрибутированными печатями второй половины XII — начала XIII в. Дополнительная проблема, однако, состоит в запутанности политической и династической ситуации в рассматриваемый период древнерусской истории, отсутствии надежных сведений о крестильных именах многих Рюриковичей, живших в это время. Сюда же относим и два типа пломб с изображением святого и строчной легендой, атрибуция которых снова едва ли возможна без публикации хорошо сохранившихся и/или многочисленных одноштемпельных экземпляров.

5. Типы пломб, относимые нами к подражаниям. Довольно многочисленными экземплярами представлен тип с подражанием княжескому знаку Давыда Святославича (см. также о недавних находках: *Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018; *Гулецкий Д.В., Дорошкевич Н.А.*, 2018). Можно констатировать его широкую распространенность в северной и центральной Руси, как на западе, так и на востоке. Этот феномен еще предстоит осмыслить. Ранее не менее пяти подобных пломб обнаружено в Новгороде, одна из которых — в слое с дендрохронологической датой 1116–1134 гг. (*Ершевский Б.Д.*, 1978. С. 243, рис. 1, *1, 3, 4, 5, 8*). Б.Д. Ершевский, основываясь на пяти коротких лучах, исходящих из головы на изображении лицевой стороны, видел в нем лик св. царя Константина. На наш взгляд, грубость рисунка, представляющего то ли корону, то ли прическу святого, не позволяет поддержать эту версию исследователя.

6. Пломбы с княжескими знаками с обеих сторон, а также пломбы с княжеским знаком и крестом. Среди последних снова, как и в третьей группе, превалируют знаки прямолинейных очертаний с отогнутыми наружу зубцами (таковых 8 из 11 публикуемых).

7. Пломбы с крестами различных форм, а также буквами с обеих сторон. Встречено (в малом количестве) всего три комбинации букв (Ф-Z, Ъ-Ъ и А-А), в отличие, например, от пломб, найденных в Дрогичине, где эта группа является наиболее распространенной и разнообразной. Явное отсутствие на пломбах этой группы какой бы то ни было властной символики ставит под вопрос возможность их использования с тем же назначением, которое было у пломб предыдущих групп.

8. Пломбы плохой сохранности, где изображение одной из сторон плохо идентифицируется.

Подавляющее превосходство в количестве княжеских знаков прямолинейных очертаний с отогнутыми наружу зубцами, зафиксированное нами в находках, заставляет пристальнее присмотреться к этой группе тамг. Долгое время исследователи пребывали в убеждении о принадлежности суз-

дальским Юрьевичам колоколовидных знаков (см., например: *Янин В.Л.*, 1956. С. 4; *Янин В.Л.*, 1970. С. 145, 146). Эта уверенность была обусловлена присутствием таких пятен на камне пьедестала боголюбовского кивория и на камне владимирских Золотых ворот. Хотя опубликовавший изображения Н.Н. Воронин называл их лишь «знаками мастеров» (*Воронин Н.Н.*, 1946. Рис. 19; *Воронин Н.Н.*, 1949. Рис. 6), трудно было представить, что, будучи изображенными на значимых сооружениях эпохи Андрея Боголюбского, они были лишены связи с этим монархом или, даже более — относились к представителям другой династии.

Летом 1997 г. при раскопках Троицкого монастыря в Смоленске был обнаружен камень с высеченным на нем княжеским знаком и подписью, свидетельствующей о принадлежности знака некоему князю Ростиславу. Знак, изображенный на камне, в деталях совпадал с тем, что В.Л. Яниным был ранее отнесен Андрею Боголюбскому. Данный факт подвиг ряд исследователей отказаться от прежней атрибуции тамги в пользу Ростислава Рюриковича (*Михеев С.М.*, 2014. С. 49) или Ростислава Мстиславича (*Марков В.В.*, 2015. С. 147) из смоленской ветви Мономашичей. Сомнения в распределении колоколовидных и прямоугольных княжеских знаков между потомками Владимира Всеволодовича породили «синкретическую» версию, в которой прямоугольные пятна достались поколению сыновей «благороднейшего архонта Руси», а колоколовидные — его внукам, при общности одного и того же важного признака — зубцы у всех знаков Мономашичей отогнуты наружу (*Алфьоров О.*, 2012. С. 34).

На наш взгляд, памятники сфрагистики, в том числе и публикуемые в настоящей работе, вполне убедительно подтверждают принадлежность колоколовидных княжеских знаков потомкам Мстислава Владимировича Великого, а прямоугольных (с отогнутыми наружу зубцами) — князьям Северо-Восточной Руси. Рассмотрим последние чуть более подробно. В первом томе свода актовых печатей Древней Руси В.Л. Яниным были опубликованы 16 известных в то время типов печатей с подобными тамгами (рис. 1).

Значительная часть описанных печатей, несомненно, принадлежит основателю династии ростово-суздальских князей Юрию Владимировичу Долгорукому. Такое же мнение, хоть и без глубокого обоснования, было высказано и в недавних работах И.А. Жукова и С.М. Михеева (*Жуков И.А.*, 2017; *Михеев С.М.*, 2017. С. 23). Важно отметить, что политическая карьера Юрия Долгорукого входит в зенит как раз в то время, когда, в киевское княжение Всеволода Ольговича тип печати с княжеским знаком получил широкое распространение (*Алфьоров О.*, 2012. С. 30). Печати с тамгой и изображением святого патрона князя, Георгия Победоносца, составляют 42 из 48 зафиксированных И.А. Жуковым печатей Юрия. По мнению исследователя, ростово-суздальскому князю принадлежат печати как с погрудным, так и с ростовым рисунком святого (*Янин В.Л.*, 1970. №283, 285, 286). Переход между двумя иконографическими типами произошел между 1147 и 1149 гг., когда «освободилось» более престижное ростовое изображение, занимаемое ранее Игорем-Георгием Ольговичем (*Жуков И.А.*, 2017. С. 30). Ориентация тамги Юрия Владимировича оказалась индифферентным признаком — отрог в ней может располагаться как слева (*Жуков И.А.*, 2017. Рис. 5–12, 14–16), так и справа (*Жуков И.А.*, 2017. Рис. 4, 13, 17), хотя первый вариант представляет-

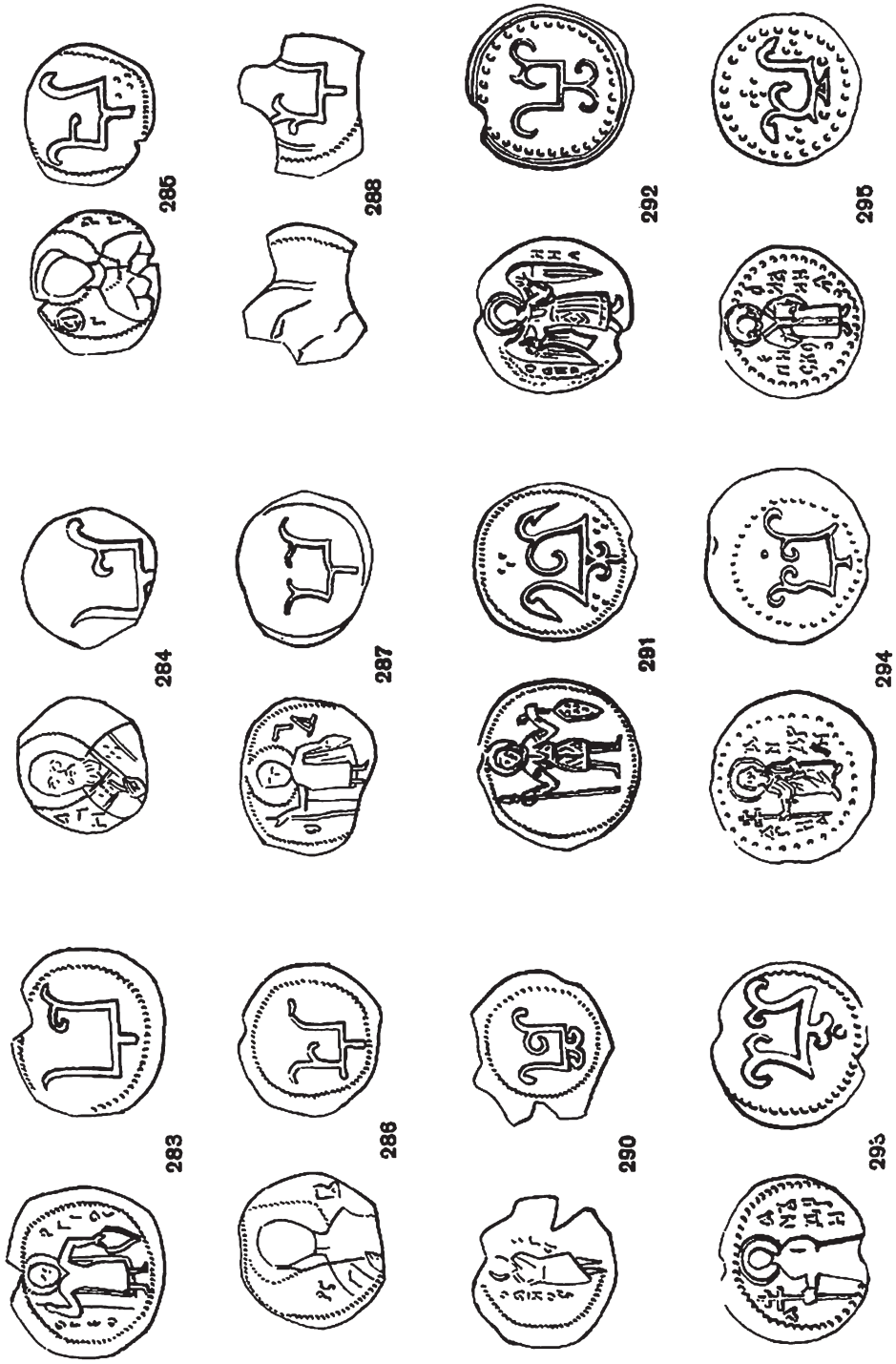

Рис. 1. Графические реконструкции печатей с княжескими знаками прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу зубцами, опубликованные в Своде актовых печатей В.Л. Янина (*Янин В.Л.*, 1970). Знаки сориентированы зубцами вверх. Определение изображений святых: 283 — св. Георгий; 284 — св. Василий Кесарийский; 285 — св. Георгий (погрудно) с мученическим крестом; 286 — св. Георгий (погрудно) с копьем; 287 — св. воин; 288 — не ясно; 290 — св. Иоанн Креститель. Атрибуция уточнена в третьем томе Свода (*Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998); 291 — св. воин; 292 — арх. Гавриил; 293, 294 — ап. Андрей Первозванный; 295 — св. епископ Анания

ся нам, вслед за И.А. Жуковым, более корректным с точки зрения изначальной задумки. Этот факт находит близкие аналогии в сфрагистике Всеволода и Игоря Ольговичей (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018).

Ножка, на которой располагается знак, также, надо полагать, не имеет определяющего значения для его атрибуции. И вот почему. Две совершенно однотипные печати с изображением ап. Андрея Первозванного (*Янин В.Л.*, 1970. № 293, 294) отличаются только ножкой тамги — в одном случае прямой, как на всех печатях Юрия Владимировича, в другом — в виде ласточкина хвоста. К форме ножки безразличны также печати Игоря Ольговича (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018). Печати из Свода № 290, 291, 292 и 295 отмечены массовыми находками в Новгороде (пяти и более экземпляров), но неизвестны в других местах. Такая статистика находок резко выделяет эту группу печатей среди остальных рассматриваемых здесь. Княжеские знаки, изображенные на них, все имеют основание в виде ласточкина хвоста. Складывается впечатление, что «ласточкин хвост» был стилистической декорацией, присущей новгородской школе резчиков.

Таким образом, с принципиальной точки зрения княжеский знак Юрия Долгорукого повторяется в печатях с изображениями: св. епископа Анании (*Янин В.Л.*, 1970. № 295) — в своем изначальном варианте с отрогом слева, а св. воина (*Янин В.Л.*, 1970. № 291), св. Василия Кесарийского (*Янин В.Л.*, 1970. № 284) и св. Иоанна Крестителя (*Янин В.Л.*, 1970. № 290) — в зеркальном варианте с отрогом справа. Помимо этих двух вариантов тамг прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу зубцами, по Своду известны еще три их типа, последний из которых на данном этапе не подлежит атрибуции ввиду испорченности изображения другой стороны печати:

1. Отроги справа и слева – св. Андрей Первозванный (№ 293, 294), св. воин (№ 287).

2. Отрог справа с ответвлением – арх. Гавриил (№ 292).

3. Два отрога слева – не ясно (№ 288).

Как печати, так и пломбы с тамгами прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу зубцами практически отсутствуют среди современных украинских находок (за исключением печатей Юрия Долгорукого), что отразилось в публикациях украинских авторов — сфрагиста А.А. Алфёрова и коллекционера В.В. Нечитайло (*Алфьоров О.*, 2012; Алфьоров О., 2015; *Нечитайло В.В.*, 2012; *Нечитайло В.В.*, 2013). Алфёров включил в свои работы, посвященные не в последнюю очередь княжеским знакам Рюриковичей, лишь единичные экземпляры печатей с тамгами подобной конфигурации. В.В. Нечитайло, в основном, перепечатал прорисовки печатей из Свода В.Л. Янина, без аргументации отнеся их сыновьям Юрия Долгорукого — Иванко Юрьевичу (*Янин В.Л.*, 1970. № 290; *Нечитайло В.В.*, 2013. № 167), Ярославу-Анании (?) Юрьевичу (*Янин В.Л.*, 1970. № 290; *Нечитайло В.В.*, 2013. № 182), Мстиславу-Федору (?) Юрьевичу (*Янин В.Л.*, 1970. № 287, 291; *Нечитайло В.В.*, 2013. № 180, 181).

Побудительные причины таких атрибуций ясны: отнесение столь близких княжеских знаков наследникам Юрия Владимировича вполне оправданно. Но можно ли быть уверенным в наделении печатями именно указанных сыновей Юрия Долгорукого, крестильные имена которых, за исключением рано умершего Иванко, летописцу неизвестны? Попробуем

обратиться ко всем известным на сегодня как печатям, так и пломбам с подобными тамгами и найти среди них определенные зацепки для ответа на поставленный вопрос.

Пломбы, изображения святых патронов на которых мелки и часто не сопровождаются пояснительными легендами, с одной стороны, сложнее поддаются атрибуции, чем актовые печати. С другой стороны, насколько мы можем судить, например, по киевским и полоцким пломбам, правом их эмиссии в XI–XII вв. обладал только действующий глава рода, правящего на определенной территории (*Гулецкий Д.В., Дорошкевич Н.А.*, 2018; *Гулецкий Д.В., Ярошевский Н.А.*, 2018). Этот факт существенно сужает число претендентов на каждый отдельно взятый тип пломб, исключая из него младшую братию верховного суверена земли, чьи святые покровители не известны чаще всего. Нами на настоящий момент успешно выявлены пломбы киевских (с середины XI в. до 1132 г.; см.: *Гулецкий Д.В., Ярошевский Н.А.*, 2018) и полоцких (с середины XI в. до конца XII в.; *Гулецкий Д.В., Дорошкевич Н.А.*, 2018) князей. Правом эмиссии своеобразных пломб, как представляется, обладал также основатель черниговской династии Святослав Ярославич (*Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В.*, 2018).

Юрий Долгорукий был основателем Ростово-Суздальского княжества, при нем эта земля оформилась в виде самостоятельного государства, а вскоре после его смерти стала претендовать на доминирование над Киевом. Будучи сувереном на своей территории, Юрий Владимирович должен был, следуя вышеописанной логике, выступить эмитентом свинцовых пломб, и таковые на самом деле известны (*Жуков И.А.*, 2017. С. 30, рис. 9; табл. 5, № 17). Следующим ростово-суздальским князем был сын Юрия Долгорукого Василько, ставший наместником отца в 1149 г., когда тот впервые утвердился в Киеве. Не рискуя ошибиться, ему мы можем отнести близкие стилистически печати (*Янин В.Л.*, 1970. № 284) и пломбы (табл. 1, № 18) с погрудным изображением св. Василия Кесарийского, воспроизводящие княжеский знак, аналогичный знаку Юрия Долгорукого. Отец оставался верховным сувереном земли в наместничество Василько, и сын пользовался его имуществом, помечаемым отцовским знаком. На печати Василько Юрьевича тамга Долгорукого предстает в более редком зеркальном виде, зеркальна и видимая часть колончатой легенды, что заметно по букве Г.

Остальные публикуемые пломбы, к сожалению, малопригодны для атрибуции ввиду плохо просматривающихся изображений святых. Выявление подобных экземпляров хорошей сохранности, несомненно, поможет и в точном определении актовых печатей, и в отнесении самих пломб конкретным персонам. Пока мы можем лишь обратить внимание на княжеский знак без отрогов, встреченный на двух пломбах (табл. 1, № 21, 22), но не повторяющийся на печатях. Видимая грубость изображений святых, кажется, выдает в них подражательный характер, нацеленный на вызов ассоциации с династией Юрьевичей, но препятствующий точной идентификации эмитента. Не удалось определить святого на подобном экземпляре и И.А. Жукову, хотя надо признать, что изображение патрона на нем лучшего качества (*Жуков И.А.*, 2016. № 6з. Рис. 37). Еще два экземпляра пломб сохранились достаточно неплохо (фототабл. 1, № 23, 25). Но и здесь уверенному определению святых мешает упрощенность их изображений.

Исчерпав атрибуционные возможности публикуемых нами пломб, снова обратимся к актовым печатям. Учитывая недолговечность доминирования типа вислых печатей с княжеским знаком (хотя у Юрия и его потомков он, похоже, задержался несколько дольше, чем у других династий), мы должны также ограничить круг претендентов на эти печати несколькими десятилетиями. Как уже отмечалось, печати из Свода № 290, 291, 292 и 295 известны массовыми находками в Новгороде и объединены также общей стилистикой. Логично искать их эмитентов среди наследников Юрия Долгорукого, княживших в Новгороде. Таковы, в порядке очередности (*Янин В.Л.*, 1970. Табл. Г): Ростислав Юрьевич (1138–1139, 1141–1142) — **1,5 года**; Мстислав Юрьевич (1155–1157) — **2 года**; Мстислав Ростиславич (1160–1161) — **в совокупности 2 года**; Юрий-Георгий Андреевич (1172–1175) — **3 года;** Святослав Мстиславич (1175) — **несколько месяцев**; Мстислав Ростиславич (снова в 1175–1176); Ярослав Мстиславич (1176–1177) — **1,5 года**; Мстислав Ростиславич (снова в 1177–1178); Ярополк Ростиславич (1178) — **менее 1 года**.

Среди этих князей по крестильному имени достоверно известен сын Андрея Боголюбского; его присутствие в Новгороде было длительным. Ему может быть отнесена только одна из рассматриваемых печатей — с изображением св. воина (*Янин В.Л.*, 1970. № 291). На ней помещено ростовое изображение святого воина и княжеский знак с отрогом справа.

Важно отметить, что наш список открывают двое сыновей Юрия Долгорукого, стоявшие во главе Новгорода довольно ощутимое время (полтора и два года). В процессе анализа массива печатей с патрональными изображениями двух святых, набирающего популярность как раз в рассматриваемое время, В.Л. Янин вначале не нашел им места среди эмитентов печатей с изображением св. Георгия (*Янин В.Л.*, 1970. С. 98–102). После подведения промежуточных итогов рассмотрения наиболее значительных групп таких печатей оказалось, что не атрибутированными остаются печати почти всех князей суздальской династии из нашего списка, снова за исключением Юрия Андреевича (*Янин В.Л.*, 1970. С. 111).

Для выяснения принадлежности печатей прочих суздальских князей понадобился особый прием с привлечением анализа преемственности стиля изображений, блестяще, на наш взгляд, удавшийся ученому. Разбирая печати с патрональными изображениями св. Иакова и св. Агафоника, В.Л. Янин убедительно отнес их князьям суздальской династии, сидевшим в Новгороде после Юрия-Георгия Андреевича (*Янин В.Л.*, 1970. С. 118–120). С их помощью удалось узнать крестильные имена этих Рюриковичей: Мстислав Ростиславич был в крещении Иоанном Иаковичем, а его сын и брат, соответственно, Святослав — Агафоником, Ярополк — Федором. Прояснилось также имя, полученное при крещении Ростиславом Юрьевичем — Иаков.

Недавно Ростиславу Юрьевичу была отнесена печать с княжеским знаком, отличающимся от «пятна» Юрия Долгорукого лишь формой ножки (*Михеев С.М.*, 2017. С. 21–22). На ней, вокруг знака, А.А. Гиппиусом и П.Г. Гайдуковым было прочтено имя Ростислав. Основаниями для атрибуции печати Ростиславу Юрьевичу стали топография находок и фонетический облик легенды. На второй стороне буллы, однако, несколько неожиданно располагается изображение св. Георгия Победоносца. Упомянутую

нами в предыдущем абзаце реконструкцию крестильного имени Ростислава, осуществленную в свое время В.Л. Яниным, С.М. Михеев в связи со своей атрибуцией не анализирует, потому эту атрибуцию следует пока рассматривать лишь в качестве рабочей версии. Если исследователь прав, то мы имеем дело с первым достоверно зафиксированным случаем комбинирования на печати княжеской тамги с изображением святого патрона не самого князя-эмитента, а его отца. Учитывая ранний этап распространения иконографического типа булл «Тамга/Святой» (печати относятся к одному из новгородских княжений Ростислава, 1138–1140, 1141–1142), такое исключение из правил не выглядит слишком уж невероятным. Не явилось ли для него причиной то, что молодой Ростислав олицетворял в Новгороде волю Долгорукого? В таком случае словесное пояснение вокруг тамги (факт уникальный) потребовалось затем, чтобы отметить, что печать принадлежит все-таки Ростиславу, а не Юрию. В самом деле, не будь этой надписи, печать безоговорочно рассматривалась бы как очередной вариант буллы Юрия Владимировича. Рискнем осторожно поддержать гипотезу С.М. Михеева, отметив, правда, что она вступает в противоречие с предположением И.А. Жукова о том, что в конце 1130-х — начале 1140-х гг. Долгорукий пользовался еще печатями с погрудным, а не ростовым (как на печати Ростислава) изображением св. Георгия.

Но вернемся к реконструкции В.Л. Янина. Его анализ печатей с патрональными изображениями св. Иакова и св. Агафоника позволяет сделать вывод, что вскоре после Юрия-Георгия Андреевича в новгородской сфрагистике суздальских князей начинает верховенствовать тип с патрональными изображениями двух святых, в то время как у этого князя имеется как подобный же тип (*Янин В.Л.*, 1970. № 175–177), так и тип с княжеским знаком (*Янин В.Л.*, 1970. № 291). Это согласуется с наблюдением о недолговечности бытования типа княжеской печати с тамгой, который, похоже, стал выходить из употребления уже вскоре после смерти Андрея Боголюбского (1174). Андрей, вслед за братом Василько, воспринял традицию употребления печатей с княжеским знаком, заложенную их отцом. Ему самому, видимо, можно отнести печати с тамгой, где отроги расположены с обеих сторон (*Янин В.Л.*, 1970. № 293, 294; *Михеев С.М.*, 2017. С. 24–25, рис. 7). Андрей стал владетельным князем еще при жизни отца, и его имущество должно было отделиться от отцовского до смерти Долгорукого. Поэтому оно маркировано несколько отличающимся знаком.

Таким образом, эмитентов неатрибутированных печатей из Новгорода (с изображениями святых Иоанна, Гавриила и Анании) едва ли следует искать вне пределов 1150–1170-х гг. Мстислав Ростиславич был, согласно построениям В.Л. Янина, в крещении Иоанном. Он предстает наиболее вероятным кандидатом на роль эмитента печати № 290 Свода. Мы никак не можем согласиться с поражающей воображение своей экстравагантностью гипотезой С.М. Михеева, предположившего, что на лицевой стороне печати № 290 помещено изображение не в честь святого патрона эмитента, а в честь дня, когда эмитент получил власть (см. *Михеев С.М.*, 2017. С. 24, 27). Попытка найти объяснение присутствию на печатях с одинаковыми тамгами различных святых в предположении о существовании института небесного покровительства не князей, а *княжений* (sic!) заключается, на наш

взгляд, в ошибочном понимании автором принципов наделения Рюриковичей тамгами, о чем еще будет сказано ниже.

В.Л. Янин, обращаясь к вопросу о первоначальной принадлежности сохранившегося шлема Ярослава Всеволодовича, называет также крестильные имена Мстислава Юрьевича (Федор) и Ярослава Мстиславича (Гавриил) (*Янин В.Л.*, 1970. С. 121). Если эти гипотезы верны, печать № 292 Свода принадлежит Ярославу Мстиславичу. В пользу этой версии говорит также усложненная форма княжеского знака на этой печати, проявляющаяся в наличии дополнительного отрога. Ярослав, будучи представителем младшей ветви потомков Долгорукого со сложной династической судьбой, лишь поэтому должен был, согласно принятой ранее большинством исследователей теории «отпятнышей», обладать княжеским знаком наиболее удаленной от первоначальной формы.

Теория «отпятнышей» гласит, что каждый княжеский знак, получаемый сыновьями от отца, должен был снабжаться дополнительным элементом (либо элемент должен был изыматься, но разница тамг отца и сына считалась непременным условием) (*Янин В.Л.*, 1956. С. 3). Эта ошибочная посылка предопределила трудности в изучении знаков Рюриковичей XII в., фактически парализовав его. В связи с открытыми в последнее десятилетие сфрагистическими материалами подтверждается правота А.А. Молчанова и А.А. Алфёрова, указывавших на приоритет экономических причин видоизменения княжеских знаков. Тамги были знаками собственности князя и его рода (*Молчанов А.А.*, 2008. С. 251). Они могли переходить от владельца к владельцу без изменений, а могли претерпевать незначительные или порой даже существенные изменения (*Алфьоров О.*, 2012. С. 30–35). Основной их функцией было обозначение имущества. Необычный вид тамги на печати № 292 Свода, где отрог справа снабжен дополнительным отрогом, вполне соответствует династической и имущественной удаленности Ярослава Мстиславича от основной на то время линии потомков Долгорукого.

Таким образом, без атрибуции остается печать с изображением св. епископа Анании (*Янин В.Л.*, 1970. № 295). Если принимать все обозначенные выше выводы В.Л. Янина, правителю с таким крестильным именем не находится места в нашем списке суздальских князей, сидевших в Новгороде в 1140–1170-е гг. Загадка, усложняемая еще наличием печати с изображением св. епископа Анании и другим, весьма причудливым княжеским знаком (*Янин В.Л.*, 1970. № 296), остается будущим исследователям.

Судя по единству тамги, печать № 287 Свода принадлежит кому-то из сыновей Андрея Боголюбского. Линия Андрея Юрьевича не получила развития в политической истории княжества, и знаки с двумя отрогами редки. В.В. Нечитайло была опубликована также одна неизвестная ранее печать с тамгой схожей конфигурации и изображением св. Иоанна, предсказуемо отнесенная им Мстиславу Ростиславичу, внуку Долгорукого (*Нечитайло В.В.*, 2013. № 240). Княжеский знак на этой печати повторяет очертания пятна Юрия Владимировича с отрогом слева, но его ножка перекрещена. Ввиду малого количества доступной нам информации, приходится оставить пока открытым вопрос об индифферентности этого признака. Нельзя, конечно, полностью исключить и возможности, что такой тамгой мог пользоваться Мстислав Ростиславич вне своего новгородского княжения.

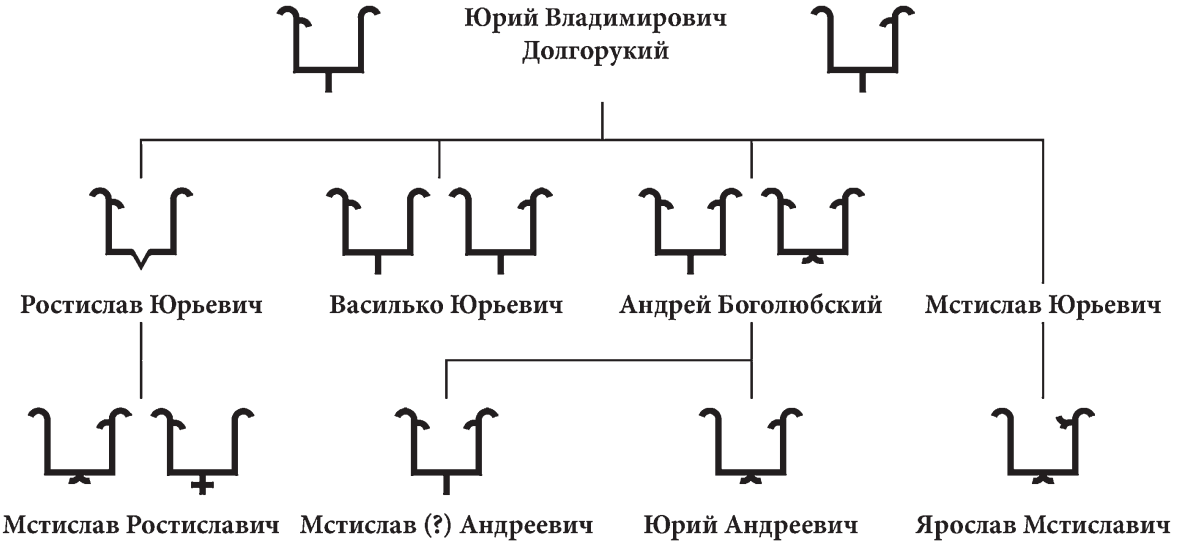

Рис. 2. Тамги князей ростово-суздальской династии

Реконструируемая нами схема княжеских знаков ростово-суздальских князей, известных по печатям и пломбам середины — третьей четверти XII в., представлена на рис. 2. Она лишена линейности теории «отпятнышей» — ряд князей в ней пользуется одним и тем же пятном, что обусловлено экономическими причинами — наследованием и пользованием имуществом предшественника. Все знаки этих Рюриковичей предстают в виде двузубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу зубцами, большинство из них, подобно знакам основателя династии Юрия Долгорукого имеет лишь один отрог — слева или справа. Публикуемые нами свинцовые пломбы (табл. 1, № 17–26) подтверждают, очевидно, те же принципы тамгообразования, также преимущественно снабжены лишь одним отрогом.

Литература

Алфьоров О., 2012. Молівдовули київських князів другої половини XI – кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Випуск 2. Київ.

Алфьоров О., 2015. Княжі знаки на печатках Київської Русі // Сфрагістичний щорічник. Випуск 5. Київ.

Бауер Н.П., 2014. История древнерусских денежных систем (IX в. – 1535 г.). М.

Боркевич Г.С., Ярошевский Н.А., 2017. Малая сфрагистика Галицко-Волынской земли II половины XII–XIII веков: находки последних лет // РЛО. Т. 3. Спецвыпуск «Русь домонгольская». Минск.

Воронин Н.Н., 1946. Боголюбовский киворий // КСИИМК. Вып 13. М.

Воронин Н.Н., 1949. Оборонительные сооружения Владимира в XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М; Л.

Высоцкий С.А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев.

Гиппиус А.А., 2017. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Междунар. научн. конф. Великий Новгород.

Гоглов С.А., Големихов А.В., 2017. О монетном чекане Волжской Булгарии X в. // РЛО. Т. 3. Спецвыпуск «Русь домонгольская». Минск.

Гулецкий Д.В., 2016. Находки средневековых свинцовых пломб близ летописного Друцка // РЛО. Т. 2. М.

Гулецкий Д.В., 2017-1. Второй Друцкий комплекс свинцовых пломб // РЛО. Т. 3. Спецвыпуск «Русь домонгольская». Минск.

Гулецкий Д.В., 2017-2. Еще раз о денежном счете домонгольской Руси // РЛО. Т. 4. М.

Гулецкий Д.В., Дорошкевич Н.А., 2018. Денежные пломбы полоцких князей XI–XII веков // РЛО. Т. 5. Спецвыпуск «Сфрагистический сборник». Минск.

Гулецкий Д.В., Ярошевский Н.А., 2018. Древнерусские свинцовые пломбы с властной символикой Рюриковичей: история и проблемы изучения (по данным украинских находок последних лет) // РЛО. Т. 5. Спецвыпуск «Сфрагистический сборник». Минск.

Ершевский Б.Д., 1978. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // СА. № 2. 1978. Л.

Жуков И.А., 2016. Меховые и кожаные деньги Киевской Руси // III Междунар. нумизм. конф. «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв.». Мат-лы докл. и сообщ. СПб.

Жуков И.А., 2017. Вислые печати великого князя Юрия (Георгия) Владимировича Долгорукого (1096–1157), княгинь Феодосии и Елены // Нумізматика і фалеристика. 2017. № 2 (82). Киев.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, пер. и коммент. Харьков.

Лебедев Г.С., 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.

Марков В.В., 2015. Опыт атрибуции известных княжеских знаков смоленских Рюриковичей XII–XIII веков // НЧ ГИМ 2015 г. Тезисы докл. и сообщ. М.

Михеев С.М., 2014. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). М.

Михеев С.М., 2017. *Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв.* // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). М.

Молчанов А.А., 2008. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. Рюриковичи и российская государственность. М.

Монгайт А.Л., 1959. Абу Хамид аль-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. М.

Назаренко А.В., 1996. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. М.

Назаренко А.В., 2001. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.

Нечитайло В.В., 2012. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Т. 1. Киев.

Нечитайло В.В., 2013. Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Т. 2. Киев.

Олейников О.М., 2014. Двор смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 7. Тверь.

Перхавко В.Б., 2006. Торговый мир средневековой Руси. М.

Путешествие Абу Хамида, 1971. – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М.

Стефанович П.С., 2017. Гривна как денежная единица: к спору меховистов и металлистов // Российский рубль. 700 лет истории. Мат-лы Междунар. науч. конф. Великий Новгород.

Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В., 2017. Свинцовые пломбы XI–XII вв. с изображением святых и креста различных типов из северо-западной части Черниговской земли и Мстиславского удела Смоленской земли Киевской Руси (по сборам в Брянской области) // РЛО. Т. 3. Спецвыпуск «Русь домонгольская». Минск.

Тигунцев Ю.Г., Гулецкий Д.В., 2018. Свинцовые пломбы XI — начала XIII вв. из северо-западной части Черниговской земли и Мстиславского удела Смоленской земли (по сборам в Брянской области). Часть 2. Пломбы с изображениями знаков и литер различных типов // РЛО. Т. 5. Спецвыпуск «Сфрагистический сборник». Минск.

Хвольсон Д.А., 1869. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб.

Янин В.Л., 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. Вып. 62. М.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.

Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. М.

1) 1,29 г. Смоленская обл.

2) 0,89 г. Смоленская обл.

3) 1,48 г. Стародубский район Брянской обл.

4) 0,97 г. Стародубский район Брянской обл.

5) 1,01 г. Тверская обл.

6) 1,45 г. Тверская обл.

7) 1,46 г. Смоленская обл.

8) 1,55 г. Белгородская обл.

9) 1,79 г. Смоленская обл.

10) 2,83 г. Смоленская обл.

11) 2,18 г. Смоленская обл.

12) 1,58 г. Владимирская обл.

Таблица 1

13) 3,29 г. Торжокский район Тверской обл.

14) 1,78 г. Калужская обл., берег р. Ока

15) 0,90 г. Смоленская обл.

16) 1,14 г. Смоленская обл.

17) 5,48 г. Ивановская область, г. Гаврилов Посад

18) 1,84 г. Владимирская область, рядом с г. Суздалем

19) 2,56 г. Владимирская обл.

20) 1,25 г. Смоленская обл.

21) 2,43 г. Ярославская обл.

22) 1,73 г. Коломенский район Московской обл.

23) 1,40 г. Владимирская обл.

Таблица 1 (продолжение)

24) 1,97 г. Тверская обл.

25) 2,47 г. Стародубский район Брянской обл.

26) 1,28 г. Владимирская обл.

27) 1,05 г. Белгородская обл.

28) 2,13 г. Тверская обл.

29) 1,48 г. Смоленская обл.

30) 1,30 г. Переславский р-н Ярославской обл.

31) 1,93 г. Смоленская обл.

32) 1,48 г. Коломенский район Московской обл.

33) 1,65 г. Смоленская обл.

34) 1,24 г. Смоленская обл.

35) 1,48 г. Стародубский район Брянской обл.

36) 1,69 г. Стародубский район Брянской обл.

Таблица 1 (окончание)

Содержание

Предисловие 3

В.П. Лебедев, С.А. Гоглов, А.П. Никитин, А.Г. Яблоков. Боршевский клад обрезанных дирхемов и подражаний из Воронежской области 6

С.А. Гоглов, В.П. Лебедев. Клад монет X века с окраины города Шебекино Белгородской области 38

С.А. Гоглов. О фальшивых куфических монетах X века из восточноевропейских находок 52

О.В. Тростьянский. Святой Стефанус и «сатанаус» 65

В.И. Галанов. Чешские и венгерские денарии Рачевского клада 70

М.Г. Абрамзон, Н.И. Сударев. Древнерусские и византийские монеты X–XI вв. из некрополя поселения Виноградный 7 81

Н.Е. Дуткинский, И.А. Колосов. Средневековые таманские подражания в свете советской и российской историографии 91

Д.В. Гулецкий. Древнерусские свинцовые пломбы как нумизматический источник домонгольского периода 114

Л. Дергачева, А. Джесмеджиян. Клад монет XIV века из села Цуцора (Республика Молдова) и его значимость для истории генуэзских колоний в Северном Причерноморье 134

Ю.В. Зайончковский, О.В. Овсянников. Килия ал-Махруса — новый монетный двор Золотой Орды 150

К.К. Хромов. Данг или акче – что же чеканили в европейской части улуса Джучи в XV веке? 161

В.Г. Шапошник, Ю.В. Зайончковский, О.В. Овсянников. Комплекс серебряных монет XIV века из села Заудье Чугуевского района Харьковской области 172

В.В. Павлюков. Клад монет из Щёкинского района Тульской области: о проблемах атрибуции и типологии поокских подражаний 181

А.А. Гомзин. Три небольших клада средневековых монет с территории Рязанского княжества 206

И.Н. Шталенков. Региональные варианты новгородских рублей и литовские трехгранные гривны 218

В.В. Зайцев. Находки платежных слитков с русскими клеймами XIV–XV вв., зарегистрированные в 2017 г. 231

В.А. Волков. О новых находках монет XIV в. в Смоленской области 252

С.В. Городилин. К вопросу об источнике сюжета композиции на стороне ростовской денги с именем князя Сретенской ветви 259

Г.А. Титов. О ростовском чекане великого князя Василия Дмитриевича Московского 269

Г.А. Титов, О.В. Михайленко. Денежный комплекс начала 1410-х гг. из Ростовского района Ярославской области 321

В.В. Зайцев, В.Е. Коршун. Клад серебряных монет 20-х гг. XV в. из Пушкинского района Московской области 343

И.К. Пагава, Р.В. Спандерашвили. Комплекс тяжеловесных грузинских монет позднефеодального времени из Квемо-Картли. 354

М.М. Фролова. «Чертковым начался ряд наших ученых нумизматов». К 160-летию со дня смерти А.Д. Черткова 362

Список сокращений 379